

ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЧАПЛЫГИНА

аспирант кафедры истории и права Социально-гуманитарного института

Мурманский арктический государственный университет
(Мурманск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0396-015X; daria.beattis@mail.ru

ДЕМОГРАФИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО УЕЗДА ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕДОМОСТИ 1764 ГОДА

Аннотация. Проблема, вынесенная в заглавие статьи, находится в рамках актуального историографического направления – исторической демографии России. Исследование статистических источников позволяет выявить численность и структуру населения, расселение, брачно-семейные отношения, возраст, региональные особенности демографического развития. Новизна исследования связана с отсутствием в историографии специальных работ по демографии Кольского уезда в XVI–XVIII веках – окраины Русского Севера с полигиничным составом населения. Объектом исследования является статистическая ведомость 1764 года, составленная по распоряжению архангелогородского губернатора Е. А. Головцына. Ведомость охватывает все поселения Кольского уезда, независимо от их этнического состава (русского, саамского, карельского), и включает данные о дворах и составе семей, проживающих в них, хозяйстве и занятиях. Исследование позволило прийти к следующим выводам: ведомость фиксирует рост численности русского населения (мужчин) уезда по сравнению с данными первой ревизии 1719 года; состав двора был представлен преимущественно одной семьей; преобладающим типом семьи были семьи прямого родства, включающие два поколения родственников. В последующем изучение демографического развития саамов и карел позволит сопоставить имеющиеся результаты и выявить особенности состава населения Кольского уезда во второй половине XVIII века.

Ключевые слова: Кольский уезд, губернатор Е. А. Головцын, демография, поморы, двор, семья

Для цитирования: Чаплыгина Д. А. Демография русского населения Кольского уезда по материалам ведомости 1764 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 59–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.618

ВВЕДЕНИЕ

Демографические процессы Русского Севера XVI–XVIII веков относятся к числу актуальных научных проблем отечественной историографии. К ним неоднократно обращались историки второй половины XIX – начала XX века, рассматривая такие вопросы, как состав крестьянской семьи и брачно-семейные отношения, семейное распоряжение собственностью и ряд других. При этом вопросы исторической демографии не находились в центре внимания ученых. Исключение составляет работа П. И. Иванова, в которой, помимо проблемы крестьянского землевладения, были рассмотрены численность крестьянского двора и типы семей Русского Севера во второй половине XVII века [7]. Традиции исторической демографии Русского Севера были продолжены и в советский период. Особое внимание уделялось следующим направлениям: изменение социального и профессионального состава на-

селения, размещение и расселение сельских жителей, миграция населения, исторические процессы воспроизводства населения, типология и эволюция семьи, формы брака и брачный возраст, женский и детский труд, взаимоотношения супружеских пар, родителей и детей. На современном этапе историографии исследователи делают акценты также на проявлениях повседневной жизни крестьян в доме и сельском мире. Н. А. Горская в своих работах подвела итог накопленным достижениям в области исторической демографии России. Для эпохи феодализма характеризованы динамика численности населения, его состав, плотность, миграция населения, а также процессы воспроизводства населения и законы демографического развития, история демографической политики [4: 165–202], [5].

Демографические процессы в отдельных районах Русского Севера остаются еще не изученными. К ним относится Кольский уезд – территориально-административная единица XVII – первой

половины XIX века, чьи границы во многом совпадали с границами Кольского полуострова. Вопрос о демографии Кольского уезда специально не ставился. Исключением являются отдельные работы И. Ф. Ушакова, С. А. Никонова и М. Г. Кучинского [13], [14], [15], [16], [17].

* * *

Объектом исследования является статистическая ведомость Кольского уезда 1764 года. В это время уезд находился в составе Двинской провинции Архангелогородской губернии, а с 1780 года отошел к Архангельской области Вологодского наместничества. Еще в 1775 году территория Кольского уезда изменилась: Северная Карелия отошла к Кемскому уезду, а Терский берег был полностью присоединен к Кольскому [16: 180–181]. Состав населения в этническом плане был разнообразным: русские (поморы), саамы, карелы.

Центром Кольского уезда являлся Кольский острог, в котором проживали как тяглые посадские люди, так и военнослужащие (ведомость 1764 года учитывает только гражданское население). Значительную часть населения уезда составляли крестьяне южных поморских волостей: Княжой Губы, Портьей Губы, Кандалакши, Керети, Ковды, села Поной. Все эти волости, за исключением Керети, состояли из одного населенного пункта. На территории Кольского полуострова проживали саамы (Екостровский, Масельский, Бабенский, Орьезерский, Ловозерский, Воронежский, Пяозерский, Семиостровский, Сонгельский, Нотозерский, Кильдинский, Пазрецкий, Печенгский, Нявдемский, Мотовский погосты, Терской лопи пять погостов). Карелы проживали в западной части уезда (Пяозерское присутствие).

Для XVIII – первой половины XIX века одним из основных источников в изучении демографических процессов являются ревизские сказки, но по сравнению с анализируемым ниже источником они не позволяют более глубоко исследовать проблему исторической динамики численности населения [8]. В настоящей статье для изучения структурного, численного и поколенного состава крестьянских семей поморских волостей нами использована ведомость 1764 года, составленная по распоряжению архангелогородского губернатора Е. А. Головцина.

В историографии последних лет деятельность губернатора Егора Андреевича Головцина (1763–1780) вызывает интерес, связанный с тем, что им в 1760-е годы был выдвинут ряд проектов о перспективах развития китобойного промысла и освоения Шпицбергена, организации государ-

ственной компании для промыслового освоения Белого и Баренцева морей, колонизации побережья Баренцева моря – Мурманского берега [6: 42, 287–291], [9], [15: 356–360]. Все эти проекты свидетельствуют о желании губернской власти выяснить социально-экономический потенциал Кольского уезда – окраинной территории, хозяйственное благосостояние которой основывалось на разнообразных промыслах.

Рукопись ведомости Кольского уезда 1764 года была выявлена в Государственном архиве Архангельской области С. А. Никоновым (ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 1–233) [14], [15: 69–70]. Исследователь дал археографическую характеристику источника, а также отметил сравнительно сжатый срок составления ведомости, ограниченный декабрем 1764 года. В ведомость включены статистические описания 28 русских поселений и 21 саамского погоста. Для каждого селения была составлена отдельная ведомость, все они объединены в одну рукопись. Описания представлены в табличной форме (8 граф) и содержат данные о составе двора (для русских и карел) и вежи (для саамов), состоянии хозяйства и основных занятиях. В конце описания каждого поселения (волости и погоста, города Колы) имеется раздел «А сверх того, объявляем нижеследующее», содержащий сведения по трем пунктам: наличие промыслов, сверх указанных в ведомости, физико-географические особенности местности, меры, необходимые для развития промыслов.

Возвращаясь к проблеме нашей статьи, отметим, что в ведомости используются такие учетные единицы, как двор и семья. Состав двора не всегда равен одной семье, включая порою несколько семей, которые могли и не быть родственными друг другу. Для характеристики внутрисемейных отношений составители ведомости используют многообразную терминологию рода, включающую понятия для родственников (дед, отец, мать, сын, дочь, внук, внучка, брат/двоюродный, сестра, дядя, тетка, племянник/-ица) и свойственников (пасынок, теща, невестка).

По данным ведомости, в русских поселениях проживало 1458 человек: 719 мужчин и 739 женщин (табл. 1). 4,2 % мужчин и 4,3 % женщин относятся к бездворовому населению. Из материалов ведомости следует, что бездворовые лица и семьи на момент составления ведомости отсутствовали на месте или жили у односельчан. В среднем на двор приходилось 6,1 человека. Это число соответствует данным, полученным отечественными учеными при изучении численности крестьянского двора в различных уездах Русского Севера в конце XVII века [3: 127–128], [10: 189–190], [11: 201–223], [12: 117].

Таблица 1. Численность русского населения Кольского уезда
Table 1. Size of the Russian population of the Kola uyezd

Поселение	Дворов	Во дворах		Без дворов		Всего людей	
		мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
Княжая Губа	8	30	38	-	-	30	38
Поря Губа	13	41	39	2	3	43	42
Кандалакша	47	132	140	10	8	142	148
Ковда	22	70	75	7	6	77	81
Кереть	125	351	354	-	-	351	354
Кольский посад	14	44	43	7	6	51	49
Поной	7	21	18	4	9	25	27
Итого	236	689	707	30	32	719	739

Примечание. Подсчитано по: ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 44–49 об.–50, 50–55 об.–56, 56–71 об.–72, 84–92 об.–93, 135–208 об.–209, 225–233 об.–234.

Отсутствие в историографии целостных исследований демографии Кольского уезда XVI – первой половины XVIII века не позволяет сопоставить полученные нами общие данные о русском населении с более ранними. И. Ф. Ушаковым приведены итоговые подсчеты мужского населения русских поселений уезда по материалам первой ревизии 1722 года без учета Колы. Всего в уезде насчитывалось 430 душ мужского

пола [16: 76]. Ко второй половине XVIII века, таким образом, численность мужчин в уезде возросла на 55 %.

Половозрастной состав русского населения Кольского уезда представлен в табл. 2. Из приведенных в ней материалов следует, что возрастная группа до 14 лет составляла 33 % (мальчиков 34,8 %, девочек 31 %). Трудоспособное население от 15 до 59 лет составляло 744 человека. Гендерный состав был следующим: от 15 до 24 лет мужчин было 23,2 %, женщин – 19,5 %; от 25 до 49 лет – мужчин 26,8 %, женщин – 32,5 %; от 50 до 59 лет – мужчин 8,5 %, женщин – 8 %. Численность детей в крестьянских семьях редко превышала семь человек. Наиболее характерны семьи, имеющие одного-трех детей.

Материалы ведомости позволяют говорить, что во второй половине XVIII века в Кольском уезде крестьянский двор представлял собой, как правило, родственный коллектив. В большинстве дворов русских поселений проживала одна семья. Доля дворов с двумя-тремя семьями не превышала трети от общего количества. Только для Кандалакши и Керети известны примеры, когда двор «делился» между четырьмя-шестью семьями. Количество таких случаев невелико (менее 2 %), что говорит об этом явлении, скорее, как исключении (табл. 3).

Таблица 2. Половозрастной состав русского населения Кольского уезда (по данным ведомости 1764 года)
Table 2. Age and gender composition of the Russian population of the Kola uyezd (according to the 1764 register)

Возрастная группа	Княжая Губа		Поря Губа		Кандалакша		Ковда		Кереть		Кола		Поной		Всего		
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
0–14	12	40	15	39,5	16	37	18	42,9	44	31	32	21,6	36	46,8	31	38,3	111
15–24	5	16,6	7	18,4	11	26	4	9,5	37	26	26	17,6	10	12,9	11	13,6	89
25–49	12	40	11	29	10	23	14	33,3	32	22,5	49	33,1	22	28,6	22	27,2	96
50–59	-	-	1	2,6	1	2	2	4,8	18	12,7	22	14,9	4	5,2	5	6,1	31
От 60	1	3,4	4	10,5	5	12	4	9,5	11	7,8	19	12,8	5	6,5	12	14,8	24
Итого	30	100	38	100	43	100	42	100	142	100	148	100	77	100	81	100	351
																	100

Примечание. Подсчитано по: ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 44–49 об.–50, 50–55 об.–56, 56–71 об.–72, 84–92 об.–93, 135–208 об.–209, 225–233 об.–234.

Таблица 3. Количество семей во дворах русского населения Кольского уезда (по данным ведомости 1764 года)

Table 3. Number of families in the Russian households of the Kola uyezd (according to the 1764 register)

Семей во дворе	Княжая Губа		Поря Губа		Кандалакша		Ковда		Кереть		Кола		Поной		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Одна	2	25	11	78,6	25	53,1	13	59	85	66,4	8	57	4	57,1	148	62
Две	6	75	3	21,4	15	32	5	23	37	29	4	29	2	28,6	72	30
Три	-	-	-	-	7	14,9	4	13	4	3,2	2	14	1	14,3	18	7,4
Четыре	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,7	-	-	-	-	1	0,3
Шесть	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,7	-	-	-	-	1	0,3
Итого	8	100	14	100	47	100	22	100	128	100	14	100	7	100	240	100

Примечание. Подсчитано по: ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 44–49 об.–50, 50–55 об.–56, 56–71 об.–72, 84–92 об.–93, 135–208 об.–209, 225–233 об.–234.

При анализе семей по типу родства мы ориентировались на общепринятою в науке классификацию семей по родственно-структурным типам – семьи прямого родства и братские семьи. Из табл. 4 следует, что во второй половине XVIII века семьи прямого родства составляли 87,3 %, а братские семьи – 12,7 % от общего количества семей. Количество братьев в братских семьях не превышало четырех. Преобладание семей прямого родства подтверждает выводы отечественных ученых о незначительной доле братских и сложных семей в крестьянской среде Русского Севера [1: 10–11], [2: 59], [12: 72–73].

Таблица 4. Состав семьи по виду родства
Table 4. Family composition by kinship type

Волость	Семей прямого родства	Братских семей	Всего семей	Соотношение в %	
				прямого	братьеских
Княжая Губа	5	5	10	50	50
Порья Губа	9	5	14	64,3	35,7
Кандалакша	43	14	57	75,4	24,6
Ковда	35	0	35	100	0
Кереть	166	11	177	93,8	6,2
Кольский посад	12	5	17	70,6	29,4
Поной	13	1	14	93	7

Примечание. Подсчитано по: ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 44–49 об.–50, 50–55 об.–56, 56–71 об.–72, 84–92 об.–93, 135–208 об.–209, 225–233 об.–234.

Для более полного представления о структуре крестьянской семьи необходимо рассмотреть также ее поколенный состав. При обработке материалов отсчет поколений велся от старших, еще живущих членов семьи. Наиболее распространены были семьи одного и двух поколений – их 92 %. Преобладали среди них двухпоколенные семьи – 62 %, где, в свою очередь, выделялись

семьи прямого родства, а именно супруги с малолетними детьми. Трехпоколенные семьи составляли лишь 6 %, а четырехпоколенные вообще отсутствовали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение ведомости 1764 года для изучения демографического развития Кольского уезда заключается в том, что, в отличие от других видов источников, привлекаемых к решению проблемы, еюдается максимально подробная информация о составе населения. Так, благодаря ведомости можно выяснить не только численность мужского и женского населения, но и поло-возрастной состав, родственные и внутрисемейные отношения, типы семейных объединений. Сопоставление численности мужского населения по данным первой ревизии и ведомости 1764 года дает основание говорить о росте населения. Не касаясь вопроса о причинах, обусловивших этот процесс, отметим, что одной из них было восстановление нормального течения жизни уезда в период после петровских реформ.

Основную единицу описания ведомости 1764 года составляет двор, равнозначный понятию «домохозяйство». Состав двора был представлен в большинстве случаев одной семьей. Дворы, включавшие две и более семей, не составляли значительной доли в русских поселениях Кольского уезда. Преобладающим типом семьи была семья прямого родства, включавшая два поколения родственников. Доля братских и сложных семей не превышала 13 %. Таким образом, сформировавшаяся несколькими столетиями ранее тенденция преобладания «классической» отцовской семьи сохраняется и во второй половине XVIII века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / Ю. С. Васильев, А. Я. Дегтярев, А. И. Копанев и др. Л.: Наука, 1978. 221 с.
2. Аграрная история Северо-Запада России XVII века: (население, землевладение, землепользование) / А. Л. Шапиро, В. М. Воробьев, А. Я. Дегтярев и др.; АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленинград. отд-ние, ЛГУ. Л.: Наука, 1989. 231 с.
3. Водарский Я. Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населения двора в России в XVI–XVII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974. С. 117–130.
4. Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма: (Итоги и пробл. изуч.) / АН, Инт-рос. истории. М.: Наука, 1994. 213 с.
5. Горская Н. А. Русская феодальная деревня в историографии XX века М.: Памятник исторической мысли, 2006. 360 с.
6. Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII – нач. XIX в.: Исследование. Документы / М. М. Дадыкина, А. В. Крайковский, Ю. А. Лайус; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Центр исторических исследований, Лаборатория экологической и технологической истории. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. 504 с.

7. Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы на севере России в XVII веке у свободных и владельческих крестьян. М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1901. 151 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/437796> (дата обращения 05.12.2020).
8. Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1990. 254 с.
9. Ковалчук А. В. Об экономической свободе, северных морских промыслах и архангелогородском губернаторе Е. А. Головцыне (1760–1770-е гг.) // Образы аграрной России IX–XVIII вв.: Сб. ст. М., 2013. С. 239–241.
10. Колесников П. А. К истории населенных пунктов и движения сельского населения Европейского Севера в XVII–XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 год. Таллин, 1971. С. 179–192.
11. Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве / Вологод. гос. пед. ин-т. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Волог. отд-ние, 1976. 416 с.
12. Конанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. / Под ред. Н. Е. Носова. Л.: Наука, 1984. 244 с.
13. Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв.: модель социальной структуры. Каутокино: Саам. высш. шк., 2008. 261 с.
14. Никонов С. А. Морское прибрежное хозяйство саамов Кольского уезда во второй половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековые и Новое время. Выпуск 5: Пятьте чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: Материалы к междунар. науч. конф. Москва, 9–10 ноября 2017 г. М., 2017. С. 327–334.
15. Никонов С. А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2020. 496 с. DOI: 10.31754/nestor4469-1771-6.
16. Ушаков И. Ф. Избранные произведения: историко-краеведческие исследования. Т. 1. Кольская земля. Мурманск: Кн. изд-во, 1998. 350 с.
17. Ушаков И. Ф. Краеведческий материал по истории для школ Мурманской области. Часть II, вып. I. Кольский край в конце XVI – первой четверти XVIII вв. Мурманск: Кн. изд-во, 1965. 87 с.

Поступила в редакцию: 25.12.2020; принята к публикации: 22.03.2021

Original article

Daria A. Chaplygina, Postgraduate Student,
Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-0396-015X; dariabeattis@mail.ru

DEMOGRAPHICS OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE KOLA UYEZD ACCORDING TO THE 1764 REGISTER

A b s t r a c t. The problem presented in the title of the article lies within the framework of the current historiographical trend – the historical demography of Russia. The study of statistical sources makes it possible to reveal the size and structure of the population, its dissemination, marriage and family relations, age, and some regional features of demographic development. The novelty of the research is associated with the fact that historiography lacks special studies on the demography of the Kola uyezd – the outskirts of the Russian North with the multiethnic population – between the XVI and the XVIII centuries. The object of the research was the statistical register of 1764, compiled by order of the Arkhangelsk Governor E. A. Golovtsov. The register covers all the settlements of the Kola uyezd, regardless of their ethnic composition (Russian, Sami or Karelian), and includes data on the households, the composition of families inhabiting them, their economy, occupations and activities. The study resulted in the following conclusions: the register recorded the growth of the Russian population (the number of men) in the uyezd in comparison with the data of the first census revision of 1719; most of the households were represented by one family, with a direct kinship family including two generations of relatives being the predominant family type. Subsequently, the study of the demographic development of the Sami and Karelians will make it possible to compare the available results and to reveal the peculiarities of the population composition of the Kola uyezd in the second half of the XVIII century.

K e y w o r d s: Kola uyezd, Governor E. A. Golovtsov, demography, Pomors, household, family

F o r c i t a t i o n: Chaplygina, D. A. Demographics of the Russian population of the Kola uyezd according to the 1764 register. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):59–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.618

REFERENCES

1. Agrarian history of the northwestern Russia in the XVI century. North. Pskov. General results of the North-West development. (Yu. S. Vasil'ev, A. Ya. Degtyarev, A. I. Kopanov et al.). Leningrad, 1978. 221 p. (In Russ.)

2. Agrarian history of the northwestern Russia in the XVII century: (population, land tenure, land use). (A. L. Shapiro, V. M. Vorob'ev, A. Ya. Degtyarev et al.). Leningrad, 1989. 231 p. (In Russ.)
3. Vodarskiy, Ya. E. The average size of a peasant family and household population in Russia in the XVI and the XVII centuries. *Issues of household and population history of Russia in the XVII century*. Moscow, 1974. P. 117–130. (In Russ.)
4. Gorskaya, N. A. Historical demography of Russia in the era of feudalism. Moscow, 1994. 213 p. (In Russ.)
5. Gorskaya, N. A. Russian feudal village in the XX century historiography. Moscow, 2006. 360 p. (In Russ.)
6. The Pomors' traditional occupations and activities on Svalbard in the XVIII and the early XIX centuries: Research and documents. (M. M. Dadykina, A. V. Kraykovskiy, Yu. A. Layus). Moscow, St. Petersburg, 2017. 504 p. (In Russ.)
7. Ivanov, P. I. Land unions and redistributions in the north of Russia in the XVII century among free and proprietary peasants. Moscow, 1901. 151 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/437796> (accessed 05.12.2020).
8. Kabuzan, V. M. Peoples of Russia in the XVIII century: Size and ethnic composition. Moscow, 1990. 254 p. (In Russ.)
9. Koval'chuk, A. V. Economic freedom, northern marine industries, and the Governor of Arkhangelsk E. A. Golovtsyn (1760–1770s). *Images of agrarian Russia between the IX and the XIX centuries*. Moscow, 2013. P. 239–241. (In Russ.)
10. Kolesnikov, P. A. The history of settlements and the movement of the rural population of the European North between the XVII and the XIX centuries. *Yearly almanac on the agrarian history of Eastern Europe (1966)*. Tallin, 1971. P. 179–192. (In Russ.)
11. Kolesnikov, P. A. Northern villages between the XV and the first half of the XIX centuries. Vologda, 1976. 416 p. (In Russ.)
12. Kopanov, A. I. Peasants of the Russian North in the XVII century. Leningrad, 1984. 244 p. (In Russ.)
13. Kuchinskiy, M. G. The Sami of the Kola uyezd between the XVI and the XVIII centuries: social structure model. Kautokeino, 2008. 261 p. (In Russ.)
14. Nikonov, S. A. Marine coastal economy of the Sami of the Kola uyezd during the second half of the XVIII century. *Rus, Russia: the Middle Ages and early modern period. Issue 5: The Fifth Readings in Memory of Academician L.V. Milova: Proceedings of the international research conference*. Moscow, November 9–10, 2017. Moscow, 2017. P. 327–334. (In Russ.)
15. Nikonov, S. A. “He who never sailed the sea, never truly prayed to God”: Commercial colonization of the Murmansk coast and Novaya Zemlya by the Pomor peasants and monasteries between the XVI and the XVIII centuries. Moscow; St. Petersburg, 2020. 496 p. DOI: 10.31754/nestor4469-1771-6. (In Russ.)
16. Ushakov, I. F. Selected works on historical and regional studies. Vol. 1. Kola land. Murmansk, 1998. 350 p. (In Russ.)
17. Ushakov, I. F. Local history materials for schools of the Murmansk region. Part 1, Issue 1. Kola region between the late XVI and the first quarter of the XVIII centuries. Murmansk, 1965. 86 p. (In Russ.)

Received: 25 December, 2020; accepted: 22 March, 2021